

Наступило еще одно утро. Порадует ли оно кого?..

* * *

Поднялось и солнце, воспаленное истомою жаркого ложа. По небосводу на кроваво-красного цвета подбрюшьи заскользили барашки разбросанных облаков. И ветер, блуждающий в горах, вдруг притих, вбирая в себя собственное дыхание. Издалека крикнул сыч. Экий нерадивец, перепутал день с ночью, быть может!

Стражники, в полудреме сидевшие у дверей, вздрогнув, повскакивали с мест. Высокие створчатые двери большой белой юрты распахнулись в обе стороны, и из нее неспешно вышел великий повелитель Степи. На нем вышитый шелковый халат, наброшенный внакидку. Солнечный луч искося высветил его светлое лицо и ладно скроенный лоб. В медно-рыжей бороде до пояса заплутал вновь занявшийся прохладный ветерок.

С небольшим отрядом нукеров захотелось поохотиться на зверье. Поразвезаться, пустить ловчих птиц, потравить борзых. Был прикован к делам, ни на шаг не отдаляясь от своей Ак Орды¹. Изрядно притомился от послов, ходоков и прочего низкопоклонного люда, шныряющего под его дверьми? Им и конца не видно. Немало среди них и странников, исходивших, не чуя ног, все земные пути-дороги. Тянут целый воз благих заблуждений, ищут ответа на извечное. И преподобных дервишей, и блаженных! Вот один тонкий, как былинка, ханзу, украдкой от глаз, на свой страх и риск, написал его портрет. На льющемся шелке. Говорят, похож. Бросил ему слиток с копытце стригунка. Бедняга то ли от радости, то ли от испуга ахнул и упал без чувств. Эх, и чего только не бывает. Тумены его уходят все дальше в четыре стороны света. От одних донесений ноянов², закаленных в огне сражений, ни дня передышки. Раз за разом курьерской почтой отправляет советы, подвигает на уловки. Неполно одно без другого. Требуется равновесие. Равно как балансировать на острие кинжала.

И это белоснежное белое облако, куда бы он ни прокладывал путь, точно знамя побед, реет над головой, погоняемое вселенским ветром. Верно, то знак благодатный и приветствие Синего Тэнгри.

Он невольно поднял голову к небу. Словно белесые космы верблюда. Оно неизменно, как и прежде. Время над ним не властно... Что же с ним? В волосах седина, охладела душа ко многим вещам. Необузданная сила молодости уступила место рассудительной сдержанности. Да и нрав будто подменили — сердобольный стал, что ли?! В свое время мог с порога повергнуть вражью голову в прах... Разметать, как мячи, скатанные из коровьей шерсти, которыми в детстве забавлялся Темучин... Ладно, оставь! Обмельчал его враг, толчая лишь послов да просителей, оставь их! Злая сила — этот булатный меч. Разойдется — порубит в куски! Запоздало его милосердие, которое ни в чем не уступит, собирая вокруг животворящие силы. Потому и воздал он должное промыслу, прозрел и покаялся в земной юдоли...

Погрузившись в мысли, он и не заметил, как достиг гряды, примыкающей к священной горе Бурхан-Халдун. Позади послышалось гиканье отряда, трусившего за ним мелкой рысью. Впереди, петляя зигзагами, пробежала лиса. В обновке после линьки на свежевывапавшем ноябрьском снегу. Спинка отликает огненным всполохом. Однако сбросить кожаный наглазник с клеочущего беркута, чующего добычу, он не позволил. Вдогонку отпустил борзых. Собаки, сорвавшись наперегонки, одна резвей другой, почти моментально подрезая лису наискось, пощипали ей только хвост. Посмотри-ка, хитрая тварь, резко прибившись к земле, отбросила преследователей далеко вперед. Не хочет за здорово живешь отдать жизнь на ровном месте. Припустила в густые заросли шенгеля, находящиеся справа. Теперь и охотники с улюлюканьем бросаются наперерез. С другого конца, развернувшись, мчатся борзые. Но зелья от невезения еще не придумали! Преследователи с обоих концов увлечены настолько, что не слышат вразумительного голоса. Хотел сказать им, что в густом шенгеле у лисы наверняка есть нора. Теперь зря стараетесь, уж и хвоста вам ее не видать. Так и вышло. Из зарослей первыми выдра-

¹ Ак Орда — Белая Орда, ставка хана.

² Нояны — военачальники, полководцы.

лись борзые с отвисшими языками. Шенгель расцарапал и взлохматил им шерсть...

То был назидательный урок отца Есукея.

— Было это в годы моей ретивой молодости. Как-то раз вышел на охоту, — рассказывал отец, оставшись с ним наедине. — Ехал малой рысью по-вдоль пологого склона горы Бурхан-Халдун. Примерно в полдень вдали мелькнул силуэт какого-то зверя и тут же на глазах моих куда-то исчез. Я и колпачок с головы моей птицы снять не успел. Взял след между поросших очагами кустарником и шенгелем. Неожиданно вижу большую звериную нору. Серый не стал долго путать следы и, по-видимому, забрался в эту нору. Срезал я длинную ветку и пошерудил — показалось неглубокой. На дне что-то лежало мягкое. Ну, думаю, гривастый мой, тут тебе и крышка пришла, и начал раскапывать логово. Перевалило за полдень. Дна не достать. Оказалось, хоть снаружи вход и был один, но далее нора расходилась по трем рукавам. Солнце клонилось к вечеру, спеша занять свое место. От долгого копания заныла спина, на ладонях волдыри вскочили! Что дальше делать?! Немного прилег, да конь зафырчал от беспокойства. И птица моя в колпаке на камне порывается взлететь. Поглядел, а там поодаль серый мой уже спасает шкуру. В сторонке — улепетывающая лиса. Там еще и затравленный корсак наутек скачет в гору. Я ошеломлен. Все трое выскочили наружу из побочных трех рукавов одного логова!

— А вы за каким зверем погнались? — спросил он, сгорая от любопытства.

— Сынок, время мое проходит. Лучше скажи, кого бы ты сам изловил? — спросил Есукей, испытующе посмотрев на Темучина.

— Попробовал бы, чтобы они поймали друг дружку!

Тогда Есукей остался доволен его ответом, уверовав, что этот сын действительно соединит обрывки его былых надежд.

Возможно, то была красивая уловка, сказанная, чтобы хоть чуть-чуть заглянуть в его будущее.

Ловить зверя... В годы великого похода нередко приходилось ловить зверя и бить птицу для поддержания запасов провизии. Надо было кормить огромную голодную армию. Впрочем, истреблять все живое на своем пути позволено не было. Таково было повеление хана Чингиса. Начиная с ранней весны и до осенних заморозков никому не дозволено было применять оружие. Пока звери не выкормят детенышей, птенцы не встанут на крыло. Дабы дать всему живому продолжить род, окрепнуть, сбросить старую шерсть. Начиная же с ноябрьских морозов и до конца люттого, пону-

ждающего аж волов реветь ремья, как вздумаеть лось — воля твоя. По рукам бить не станет.

В период великого перехода... Отары овец, табуны лошадей, стада коров, которых гнали за войском, таяли на глазах. Снедь к столу властелин небес сам не подаст. В такие моменты великий каган брал с собой ноянов, войско заставлял колотить в охотничьи барабаны, дудеть в горны, бить в громopodobные бубны, расправляя огромные крылья над подножием гор, равнин и густого леса. Ставил заграждение, сквозь которое зверь носа не мог просунуть, и медленно, сводя крылья, образовывал кольцо. От нестерпимого грохота целыми стадами сбегались олени, косули и газели. На пути их, яростно грызаясь, делили трапезу тигры с волками и леопардами. В конце концов целое войско охотников плотно сжимает свои клещи-объятья. Затем живность, оказавшуюся в ловушке, стайками выпускают на равнинную местность. По древнему обычаю первую стрелу великий каган, уповая на Небесного Тэнгри, предназначает для тигра или для резво подбрыкивающего собственный хвост кулана. Следующая очередь достается ноянам и его сыновьям. Вслед за тем свобода действий предоставляется всему едва сдерживающему себя рядовому воинству. Стрелы из полных колчанов будут сыпаться отовсюду, словно ноябрьский снег. Так начинается кровавая бойня. Обычно грызущееся между собой зверье в таком грандиозном истреблении ищет прикрития друг у дружки. Присмотрел, как трясущийся от страха заяц никак не хотел убежать из-под бока сметливой лисы. И вспомнил, как отец хлыстом проучал собаку, не дававшую покоя овцам, связав с ними одной веревкой. После того она и близко не приближалась к овцам и козам. Даже, грозно огрызаясь, не подпускала к мелкой животине своих сородичей. Видно, дружба становится крепче в пережитой совместной беде.

Чингисхан подстегнул своего белого в серых яблоках скакуна. Сбившийся в кучу небольшой отряд тоже взмахнул плетками. Вожделенно встrepенулась на руке ловчая птица. Насторожились в предвкушении поджарые борзые. Преодолев курган, великий каган взглянул на небо. Вечный спутник его головы — перевернутая шапка белесого облака — не отставая, кочевала сверху. Белоснежное белое облако... Присмотрел его впервые, беря копьё в шесть локтей и садясь на боевого коня. Тогда он одолел тангутов. Столкнулся с кровным врагом. Ехал ли шагом, мчался ли карьером в аламани¹, оно плыло неотступно.

¹ Аламан — скачка на дальнее расстояние.

Точно ручной зонт, укрывало прозрачной тенью. Дарило приятную прохладу в жаркий день. С той поры, будто песок сквозь пальцы, пролетело полвека. С той поры великий каган бросил под копыто своих коней многие уголки вселенной. Сколько спеси убавил чванливым правителям, скольким врагам помог ступить на мост Сират¹.

Вновь слышно гиканье. Отряд поравнялся и скачет рядом. С беркута скинут наглазник. Вновь убегает лиса, взбираясь по склону. Того и жаждавший беркут, издав боевой клекот, оттолкнулся от насеста, прикрепленного к седлу. Круто взмыл вверх. Когти будто острые ножи, истинный хищник. В прошлый, кажется, февраль за три дня настиг четырех волков и девять лисиц. Оторочил седло на славу. Меж тем кто подумает, что кагану мало пушнины иль шкур? Нет, конечно, даже и не заикайтесь об этом. Не то что меха и дорогие трофеи, а и золото, серебро и драгоценные всякие камня запретил заносить в свою Белую ставку. Вместо того велел со всех концов света собирать письма и книги, толкующие историю, хранящие старые заветы и поучения. Он и сам заносит на бумагу истинное монгольское родословие. Ибо после останутся не россыпи серебра и золота, но только славное имя в подлунном мире. Останутся письменные жемчужины, в коих чеканным слогом будут изложены тяжкие труды и невзгоды его, победы и деяния...

Только теперь заметил, что летит на своем скакуне, слившись со всеобщим гиканьем. И сопровождающий его отряд не отстает. Лиса зигзагами мельтешит на горном склоне. Беркут, сложив крылья, хоть и устремляется вниз, однако промахивается. Снова взмывает ввысь. Изворотливая лиса знает, как ускользнуть. Резко осадив коня, он подал знак рукой. Давал понять, чтобы согнали плутовку с откоса. Ну вот беркут, набрав высоту, снова падает камнем вниз. Да, удалось! Продираясь между скал и камней, отряд вернулся понурым. Один из всадников держал беркута перед собой. Крыло одно свисает и чертит по брюху лошади. Сломалось крыло. Увы, мой кровавый охотник...

Великий каган ощутил внутри горечь. Неужели такую храбрость, способную сразить даже тигра, погубил на какой-то плутоватой лисе? Борзых его оставила не у дел. Птицу разбила о скалы. Придерживая коня, посмотрел на небо. Белое облако замерло в ожидании. Бросил взгляд на свинцово-черную тучу, надвигавшуюся с вершины горы Бурхан-Халдун. Косматая львиной гривой, она клуби-

лась и нарастала в многоликих формах. К снегу, не иначе! Он замешкался: не зная, то ли продолжить путь, то ли повернуть обратно в Каракорум. Присмивевший отряд ждал его команды. Заскулили и заерзали борзые. Заклекотал беркут, рубя воздух здоровым крылом. Втянув бока в ожидании бега, захрапел ратный конь.

В тот момент и клубы свинцово-черной тучи, низвергавшиеся против ветра, уже достигли изголовья. Что это, гремит гром среди снежного ноября? Или туча несет дождь? Либо ударит градом с верблюжьими катышки? Но стоило ей приблизиться к облаку, плывущему комьями шерсти белесого верблюда, как раздалось угрожающее громахание. Громышание и бурление нарастало. Белое облако и черная туча не стали медлить и вступили в единоборство. Чингисхан, пораженный грандиозным зрелищем, не мог оторвать от него глаз. Обомлев, застыл и следовавший за ним отряд охотников. Неужто облака и тучи — эти истинные детища неба — перестали ладить промеж собой? Ревнуют друг к другу небесное пастбище? Может, тягаются за ноябрьскую стужу? Что за невидаль? Если уж им, реющим нежными комьями, наполняющимся свинцовой негой, тесно жить в поднебесье, то чего ради людям должно быть просторно?! Оттого, видимо, и рвут друг на друге ворота да вышибают из седла. И не он ли когда-то стоял во главе такого раздора?..

Черная туча начала доветь. Белое облако в бессилии распадалось. Проходило низом, отрезало путь. Порывалось на самый верх, нависало над ним. Великий каган явно ощутил, что над милостью Небесного Тэнгри, оберегавшей его с той поры, как снарядил боевого коня и взял в руки копье в шесть локтей, сгустилась роковая беда. Он взял тугой лук и погрозил им. Выбрал в колчане стрелу, рассчитанную на тигра. Разрезая воздух, свистящей змейкой она понеслась прямо к черной туче. Но пропала из виду. Изодранное в клочья белоснежное белое облако запрокинулось и перевернулось. На нем были начертаны буквы. «Чингисхан — Повелитель Вселенной». Кто же это мог написать? В ответ раздался оглушительный гром и всполох молнии. Осыпалось и переломилось серебро веток. Раздробилась и исчезла надпись. Разорванное в клочья белое облако уносило свои остатки. Белый в серых яблках скакун затрясся крупной дрожью и пустил кровавую струю. Взбеленился. Закусил удила и понес хозяина в благословенный Каракорум. Побег оказался не долог. Вновь ударившая ветка молнии зацепила великого кагана со стороны спинного хребта...

¹ Сират — узкий мост в потустороннем мире.

Отчего перед глазами плывут красно-зеленые кольца? В ушах далеким эхом слышится голос Есукея-багатура¹: «...Сын мой, конь удерживает седло, седло удерживает хозяина, сидящего верхом». Не удержало... Помешала черная туча, сатанинская молния...

Он опрокинулся с завертевшегося волчком белого скакуна наземь. Все тело с головы до ног горело нестерпимым огнем. Кто надумал жечь саксаул? Потушите огонь, потушите!

Мгновенная, как молния, немочь не давала поднять головы. Язык не слушался. Обрывки желаний. Не оборвалась в груди только лишь нить жизни. Во глубине сознания оживают и гаснут видения. Видения прожитых лет. На рубеже жизни и смерти добавляется раскаяние, что ли?

Наползает беспросветная темь. Чьи же это тени толкнутся возле него? Топают ногами, словно копытами. Голос его застревает в горле. Какой зловещий у них вид. Глаза красные, чисто кровавое мясо. Что они здесь ищут? Куда смотрит стража? Куда исчезли белокостные вельможи, отстававшие ни на шаг? Обычно мухе не давали на него садиться. Может, остались без присмотра широко расставленные, высокие двери белой юрты кагана?

— Схватите немедля! Представьте пред очи мои! — хотел крикнуть он. Ан не было кому услышать, кому откликнуться.

Пробудиться бы мне...

* * *

Где этот тюркский баян-летописец? Еще многое надо поведать. Назиданий и наказов немало...

Был один период, когда Есукей-багатур покинул этот мир, оставив мать с тремя детьми. Обвинив ее в том, что не пристроилась по традиции новой женой ни к кому из сородичей мужа, соплеменники откочевали от них, оставив на произвол судьбы. Оставшееся после отца все добро и скот разобрали между собой. Поселившаяся в их юрте нищета вынуждала мать днями напролет ловить в поле грызунов и собирать коренья.

Ранним утром она расстилала перед малыми детьми нестриженную по осени черную овечью шкуру. Неизвестно откуда находила и рассыпала на эту шкуру пригоршню пшена. Мелкие зернышки исчезали в густой шерсти. Взяв к себе под бочок младших братьев Хазара и Кашигуна, он до самого заката собирал эти зерна. Возвращалась

мать с наступлением сумерек, держа в руках малую, но все-таки добычу.

Та овчина была в действительности золотым руном. То пшено — наилучшим лакомством. И ныне он их видит в предутренних снах.

Потомки мои, прежде богатства познайте цену лишений.

* * *

Сказывают-де, тысячу тарпанов², разметав хвосты и гривы, несут, очертя голову, в тысячу окраин света...

Вероятно, настали последние деньки лета с их утренней свежестью. Дождь льет не переставая. Не дает проявиться степи с растущими тут и там пучками ковыля и полыни. Да ведь это гора Улытау, прогнувшая пояс кутающегося в марево просторного хребта.

Правя путь на закатное солнце, случалось и здесь разбивать становище. Не то что дикие куланы, вплоть до многочисленных стад серн и газелей, блуждающих по холмам и долам, изнемогали от тучности. Малосознательным существам и дела не было до того, что он — великий каган. То заржут под правым ухом, то под левым заблеют и потом ускачут. Войско, не знавшее, кого уж задрать, решило вскопать ловушки. Обусловилось, расставив фланги, согнать всю живность в кучу, стуча в барабаны, и порезвиться, устроив кровавую потеху. Он же в самый раз прогуливался на славном темно-гнедом коне, оставив свою белую юрту на громадной повозке, запряженной дюжиной монотонно бредущих волов. Узнав о предстоящей забаве, он тут же поднял правую руку и тем самым пресек зарвавшихся охотников. Все поняли жест без слов, и сорвиголовы поумерили пыл.

Взяв старшего сына Джучи, он тогда направился сюда, на гору Улытау. Его гнедой конь, лоснясь боками, вприпляску вынес его на вершину. Земля, вмещавшаяся в зрачок глаз, еще дремала в колыбели августовского утра. Окаймленную голубым горизонтом, он прочувствовал ее всей душой. Перед ним открылся благодатный, заветный край, который невозможно ни уступить грозному врагу, ни потопить в мимолетных тяжбах. Живописные, широко раскинувшиеся холмы мог украсить стольный ханский дворец. Вокруг которого на вершинах, облюбованных шумными уларами³, должно установить недремлющее око дозора. Не сподручно ли бить в бубны и разжигать костры, под-

² Тарпан — дикий степной конь, ныне исчезнувший вид.

³ Улар — горная индейка.

¹ Багатур — богатырь, воин, рыцарь.

ступис какой враг? Приметят огни, то поднимется люд всех окраин, в горах и на равнинах загрохочут барабаны, загремят призывные кличи. Обновится и воспрянет само по себе целое войско, печалившееся, что притупятся лезвия сабель да покроет ржа наконечники острых копий. Приторочит оно к правому боку суму для добычи. Подравняет, точно на смотре, ряды и шеренги. И будет ждать лишь битвы. Умерять нетерпение.

Оголенное око солнца катилось беспечно на запад.

— Джучи, сын мой! — обратился он в тот день, приподнявшись на стремянах с инкрустированного серебром седла. — Рано иль поздно этот обетованный край вернется к тебе по наследству. Установи свою столицу на подобающем месте.

— На каком же месте, укажите, отец?

Смирненно и твердо спросил Джучи, поглядев с почтением на отца, погрузившегося в раздумье и теребившего на ветру свою медно-рыжую бороду.

Тогда он с неспешной торжественностью взял в руки изящный лук, смастеренный из парных рогов оленя, украшенный по внешним дугам драгоценными камнями и обрамленный изнутри серебряной чернью. Натянул тетиву в размах руки и отпустил красную стрелу, вырезанную из молодой таволги, в западную сторону. Золотой наконечник, сверкнув в лучах солнца, летел со свистом, разрезая воздух. Охвостье, сделанное из пера кобчика, длиною почти в пядь, затрепыхалось, словно ожило, пока не исчезло из виду.

— Вон та местность! Правь своим улусом! И помысли свои сверяй с Каракорумом!

Джучи... Жив, мой ясный соколик! Чего же плели эти безбожники? О чем так надрывно рыдал кобыз¹ старца Кетбуги? «Погиб твой сын — Джучихан, затупился твой ятаган, опрокинут твой полный казан!..» Враки все! Того и ждут окаянные, чтобы им залили глотки растопленным на саксаульных головнях свинцом!

— Э, ведь просто вышел поохотиться. Вместо боевой дружины с ним всего десяток налегке снаряженных джигитов. Конечно, в это время мясо сайги наливается всеми соками. Особая по своей природе степная антилопа выбирает целебную траву. А какое дикое удовольствие доставляет головокружительная гонка и улюлюканье вослед грохочущей копытной дроби, стремительно проносящейся мимо тьмы.

Погоди-ка, а чья та сотня пробирается по оврагу в восточной стороне, прикрываясь слоистыми

скалами? Кони настолько нагуляны на сочной траве, что с их гладких боков может вошь соскользнуть. От снаряжения и доспехов глаз не оторвать, сверкают на солнце, проглядывающем сквозь облака. Наверное, отряд Джучи направился, в угоду сановникам, усмирять взбунтовавшиеся станы. Не умеет здешний народ мирно жить, если время от времени, вроде морской глади, не побунтует и не побьется промеж собой! В степи каждая десятая баба рождает улана-гренадера с выпученными глазами и торчащими усами. Между тем где та сила, которая вырвалась бы из оков семейного клана иль, в лучшем случае, интересов одного рода-племени? Добудет такой удалец славы в известных пределах, получит вид на житье-бытье, и пыл его на том иссякнет. Резвый его аргамак, вышибавший копытами искры, охромеет в стойле. Затупится косматая пика, прислоненная где-нибудь к юрте. Довольствуясь мимолетной славой и шатким почетом, будет кормиться лестью своего окружения. И тем самым свикнется, и тем самым превратится в обычного забулдыгу со стоптанными каблуками.

С самых первых шагов подметил он эту присущую тюркам леность души. Он выкорчевывал ее нещадно, колотил до тех пор, пока не переставали чесаться кулаки. Выпестовал воинство. В жестоких сражениях и походах научил побеждать противника малым числом и низвергаться на голову врага, как гром среди ясного неба. В недельном пути его воин мог обходиться соленым курт². Под раскаленным солнцем, в лютующий февральский мороз не услышать было ни жалоб, не узреть ни тени недовольства. Недостаточно закалить волю, надо возродить дух! Не благодаря ли тому топтал он сапогом ожиревших, словно перепела, правителей и князей златоглавых городов? Когда же касалось поживы после битвы, то каждый обладатель копья мог набить хурджун серебром и золотом, не так ли? Он и бровью не водил. И по рукам не бил. Драгоценности и прочая мишура, считал он, — женская и детская утеха! Пусть, мол, тешатся, ежели к тому бытует пристрастие. Все равно блестящие эти побрякушки погребутся под грудой кирпича и пепла разрушенных стен. Будь он падок до пустых безделушек, разве покори́л бы половину вселенной? Цели были высоки и мысли далеки от того...

Прикрывающаяся слоистыми скалами сотня не похожа на отряд Джучи. Но кто, в таком случае, удаляется, поднимая вослед мелкую пыль? Постой-ка, тот, что во главе отряда, на крупном караковом коне с белой отметиной на лбу, кажет-

¹ Кобыз — древний смычковый инструмент.

² Курт — соленые и высушенные комки сыра.

ся ему знакомым. Как бы не оказался атаманом Асхаком из кулан-кипчакского рода?! Точно, в самом деле он. Но с чего бы тянуть ему за собой, словно бы помет жеребца, вооруженную ватагу? Э, так он вроде свояк скрывающемуся от его притеснений с малым, подобно созвездию Плеяд, войском в ущельях Карпат хану Котену? Сведущи, как он бежал без оглядки, подвязав коньям хвосты, пока приткнулся к ногам мадьярского хана Беле. Заискивая, получил в дар клочок земли. Взамен на жизнь предал, говорят, веру предков.

До него ли ему было накануне великих походов преследовать кучку вспугнутых перебежчиков? Погоди, думал он, попадешься когда-нибудь в руки, если земля до того поглотит, и будешь ходить под синим небом да по зеленой травке! Он, не иначе, хана Котена наместник, расхोлившийся под его покровительством. Не намерен ли он свести счеты за позор Котена? Сначала пусть на силенки свои посмотрит! Как бы дворовые псы не обделались, завидев сизого волка. Верно, тихий, польнанный народец подрастает и становится ковьильным! По железному тумаку Джучи, видимо, скучают. Иначе...

Джучи, наверное, слишком увлекся охотой. И сайга иной раз застигает свет. Когда с гулом проносится по обширному типчаковому взгорью алая волна горизонта, то вздыбится, то закатится... Того, гляди, выплеснется через край. Не заметишь, как и сам под гром барабанов и зов рожков больно жиганешь коня. Но сколько ни старайся, обойдут ноздря в ноздю, имей только ловушку наизготове, подобно пасти дракона. Вот тут-то и начнется кровавая бойня.

Верный конь Джучи без седока, делая большой круг, скачет прочь. То и дело запускает в колчан руку. Э-э, пущенная им стрела не пропадала зазря. Что ей, господи, порхающая сайга, когда она пробивает насквозь мелкую кольчугу, будто обычную бязь.

Жалко, пыль, поднятая сайгой, застигает глаза. Как бы исподтишка не напал Асхак, куланий выродок? Джучи, куда пропал его Джучи? Почему упускает из виду снаряженного до зубов врага? Отчего не прольет свой гнев? Раздался вопль. Все-таки он заставил супостата хлебнуть крови. Рази их! Не жалея, рази! Э, вон и дружина Джучи, оставленная им. Припустила коней. Давайте, устройте им разгон! Забыли, кто истинный хозяин бескрайней степи, сплошь недоумки? Пока есть Джучи, пока стоит гора Улытау, не позволит он всякому разбойничьему сброду самоуправствовать. Чей это конь, неожиданно выскочивший из-за пыльной завесы? Как пронзительно ржет, потерявши хозяина.

Да это же знаменитый конь Джучи, белогривый Акжал! Где же он сам? Где его опора, его отважный лев? Неужто остался лежать в густой пыли? Как благородного принца мог низринуть с коня выскочка из кипчакского рода? Слух тому не хочет внимать и глаз тому не поверит!

Два отряда, противостоя друг другу, орудут копытами. Кто погибнет, кто уцелеет. Так куда же подевался его Джучи? Что стряслось с его сыном, с его рано взошедшим на небосвод ясным месяцем?

Откуда этот стон, заполонивший весь мир? Или какой-то бродячий дервиш мучает струны кобызы? Как смеют, кому не заблагорассудится, ступить через порог? Кажется, это старец Кетбуга из наймановского племени. Соль, вытекающая из глаз, капает на раздвоенную седую бороду, вздрагивают плечи. Сухой кусок дерева всхлипывает в его руках, перерастая в рыдание. Будто и безмолвному дереву был дан язык. Не простой тот язык, обжигающий сердце угольями. Жар его бежит по телу, обрушивая косточки.

Кулан Асхак — Джучи-хан,
Сердце стучит в барабан!
Свет твой померк — Богом дан!
Лев твой погиб, мой каган...

Джучи... Сын погиб... Что за бред?.. Старый истукан! Заткните ему рот! Несет околесицу! Джучи мой — он подсуден Небесному Тэнгри! Не разбойникам и бродячим собакам его судить! Не желаю я дальше слышать! Сгиньте, провалитесь прочь! Где свинец, разжиженный на саксаульных углях? Залейте глотку назойливому старику! Будут теперь знать, как кликать беду, что сорока в овраге! Ты гляди-ка!..

Пробудиться бы мне...

* * *

Где этот тюркский баян-летописец? Еще многое надо поведать. Назиданий и наказов немало.

Я родился на свет в простой войлочной юрте, но постиг величие мира. Кривой саблей предков я перекроил границы земных пределов. Я — властелин всего ныне сущего. Мир усопших — удел Вечного Тэнгри. Ничтожного я сделал достойным, достойного — именитым. Нукеров подле меня называют знатью. Была голова у порога, а теперь в голове стола.

Золотой престол о четырех ножках испокон века опутывают злые духи коварства, угодничества, зависти и злодеяний.

Много я видел на веку измен. И от дальних, и от ближних. Похвально, коли собака твой друг, однако печально, коли друг твой — собака!

Стоит льву ослабеть, как тут же соберется свора падальщиков и гиен. Зато когда ты во цвете сил и грозен для них, они лижутя и прячут зубы.

И сорока каркающим черным воронам доставочно камня. Так имейте при себе этот камень!

Потомки мои, я дал бедному кров, труса научил держать кинжал, скрягу сделал доброхотом, слабому подарил надежду. Однако, как ни старался, не смог глупца научить уму-разуму. И потому более всего остерегайтесь глупца!

* * *

Сказывают-де, тысячу тарпанов, разметав хвосты и гривы, несут, очертя голову, в тысячу краин света...

Многочисленное войско совершало дневной переход. Видел ли ты, как мужи, на чью долю выпал великий поход, тумен за туменом текут на Запад? Поодаль брели гурты крупного рогатого скота и мелких парнокопытных. Целых два четырехсезонных годовых круга заняла всесторонняя подготовка. Непростое дело — залезть за пазуху разномастным племенам и народам, осевшим в западном мире, тем более это не тангуты и меркиты, доставшиеся от междоусобного наследия отца Есукея? Лазутчики доносили, что они возвели города, облюбовали леса и равнины, лишь не могут никак ужиться. Держатся разных религий, поклоняются каждый своим святым. И жизнь их непохожа, и представления противоречивы. Одни лихо скачут на конях, другие, приросши к земле, погоняют взащей упрямого ишака. Следующие, по вероятности желтобородые, пасут свиней и пчел. И вряд ли они все ведают, что волей Небесного Тэнгри на них идет сам каган Чингисхан! Ведают аль не ведают: он разрушит их города, окутает пламенем их густые леса. Падут ниц перед ним — не поскупится на милосердие. Ну а заест гордыня и встанут супротив, то другое... Кто примет хорошо, то окажет тому почесть, как брату, кто станет враждовать — сделает безухим рабом, чтоб скулил у порога. Другого выбора нет.

Размеренно раскачивается белая юрта на громадной повозке, запряженной волами. Недалеке трусит небольшой отряд для прикрытия. Повозка, которую тянут волы, стуча дружно копытами, порой даст фору и верховой езде. В ногах его сидит, по обыкновению, истинно ненаглядная Райхано. Лицо персидской красавицы пылает гранатом, она не сводит с него больших сливовых,

полных робости и любопытства, глаз. Непонятно, смывает ли она их вообшце? Может, чему-то тревожится? Так и сидит неизменно: пробудись он нечаянно в полночь иль ранним утром, когда гаснут звезды и он отрывает голову от подушки. Одарит лучезарным взглядом и молча, слабо улыбнется. Проявятся молочные ямочки на обеих щеках, точно следы от пальцев, тонким перезвонном дрогнут колокольчики серег. Дикая страсть... Довольно, оставь это!

Чей же это истощный крик? Э, так это Сарын-джап, посаженный по правое колено от него. Что он мелет? Вблизи Отрара разграблен его караван, состоящий из шестисот выючных верблюдов? Говорит, что убит караванбаши? Отрубили ему голову. Остальные с воплями едва унесли ноги?.. Кто мог посметь, если дорога ему жизнь, покуситься на караван? Какой сумасброд мог, будто ягнят, перерезать подручных ему людей? Запомнили, что дальние караваны и полномочные послы ограждены от покушений?

Подозревают лукавого кокандского хана Мухамеда? Нет-нет. Шахарбаши¹ Отрара — Каирхан? Кто бы ни был, найдите скорее головореза! Наказание будет нещадным. Приступайте к осаде города! Предайте его огню, погребите под грудой пепла! Из поверженных голов, которые ковыряют стервятники, соорудите гору. Пусть видит разношерстный народ. Иноземный люд. Пусть разнесут по миру весть о гневе его и непобедимости войска. Пусть ветер подхватит молву, превращая с годами в легенду. Дабы содрогнулись горы и камни, леса и степи, которых не топтало копыто его коней. Он резко встал. Обычно заволоченные думой глаза его источали молнии. Спокойное, светлое лицо стало мрачнее тучи, волны медно-рыжей бороды, щекотавшие горло, ошетинились дыбом. Ярость кагана не могла утихнуть, пока ходили по земле эти два отступника.

Прежде разорите непокорный Отрар, сказал он. Бросьте к моим ногам Каир хана Иналчика. Вырву из него душу, трепещущую, как осиновый лист! Что делать с лукавым Мухамедом? И его черед не за горами. Пересчитаем и ему мы косточки по отдельности.

Огненной лавой, не давая никому опомниться, огромное войско осадило цветущий город Отрар. Древний город опоясывал широкий и глубокий ров, залитый водой. Неприступные ворота были закованы напрочь железом. Высокие и мощные стены, несмотря на то, что и днем, и ночью били по ним из громадных камнеметов, не несли суще-

¹ Шахарбаши — глава города.

ственного урона. Из-за сплошного дождя стрел и града камней его войско под стенами не могло поднять головы. Но что же он тогда предпринял, установив свою Белую ставку вдали от побоища на лобном месте? Поделил одно войско на две части. Одну часть отправил в Коканд. Приказал идти вослед и не давать спуска лукавому Мухамеду. Разорить город, а из черепов его защитников воздвигнуть гору. При моем приближении, чтобы белела на расстоянии полдневного пути. В том только случае воздастся за погубленный караван. Другая часть войска держала Отрар на осадном положении. Решил он заодно и лошадям дать передышку, и воинам, проводившим сутки в седле, приободриться. Минуло месяцев шесть. Город должен был начать вымирать от недостатка воды и продовольствия, а ему все было нипочем. Появились слухи, что воду жители берут из водопровода, протянутого под землей от реки. Допустим, пьют. Но долго ли можно протянуть на одной святой воде?! Наверняка где-то существует подземный ход. Горожане через него в один миг уйти не могут. Трудно проскользнуть незамеченными от сторожевых, устанавливающих днем кордоны и ночами жгущих вокруг шенгель и саксаул. Впрочем, без сомнения, по узкой подземной тропе налажено снабжение необходимыми продуктами. Как же найти вход? Под каким бугром, под какой балкой он кроется? Общайте все вплоть до мышинных нор, но найдите непременно, потребовал он. Некий осведомитель донес, что слышал от бродяги с котомкой через плечо, что подземный ход

тянется аж до самого торгового Сайрама. Не-не, баба, собиравшая кизяк, указывала явно на Карнак. Видала, говорит, вход своими глазами. Да сквозь него целую отару можно прогнать, вторил ей типичный пустомеля.

Пока он терялся в догадках, пришла весточка от главного визиря Каир-хана, который давал согласие отворить ворота города собственными руками, в случае дарования ему жизни. Пусть откроет, сказал каган. Больше по тому поводу он не тратил слов. Главный визирь тем не удовлетворился и просит пристроить его к правому колену кагана. Хочет еще и набить хурджун оплатой за услугу! Последнее донесение застало его на холме. Он стоял, погруженный в думы, и легкий ветерок оглаживал его медно-рыжую бороду. Лицо его выразило изумление, в глазах прочиталась ирония. Он многозначительно кивнул головой воеводе Субедею, ожидавшему из его уст справедливого вердикта. Пусть не мешкает! Доставьте его ко мне. С Каир-ханом в упряжке... Тогда и услышит мое решение.

Поздним вечером неприступные ворота отворились нараспашку. Ворвавшиеся ураганом отряды, сметая все на своем пути, устроили погром на улицах. Мечети с золотыми полумесяцами, караван-сарай с серебряными куполами — все подверглись грабежу и разрушению. Старое и молодое мужское население, способное держать хотя бы кочергу, было затоптано конями. Молодые девушки и взрослые женщины... Бесстрастно бились в руках похотливых захватчиков...

Вместе с утренним пением птиц в его белую юрту завели в колодцах Каир-хана и его главного визиря. Каир-хан оказался рослым темно-русым красавцем. Стриженная бородка придавала правильному овалу лица еще большую аристократичность. Он предстал перед ним не преклонив ни головы, ни колен. Бросив холодный взгляд искоса, он так и застыл, ровно сосна стоеросовая. Всем видом как бы говоря: делай что знаешь, пока есть возможность. Эдакая непреклонность его, очевидно, и принудила изнуряющих шесть месяцев противостоять ему. Превосходно, отменный рыцарь! Только лишь одного не понимаешь, что показывать геройство перед каганом сродни безрассудству...

Смотреть же на розовощекого, коротконового, с округлым брюшком главного визиря, старавшегося врасти в землю, было просто печально. С мольбой в глазах он рухнул на колени и распластался ниц. Лежит и еще скулит невесть о чем? Да бормочет, что ворота открыл именно я, мой повелитель, что всю жизнь изнемогал от нетерпения узреть торжествующий момент Вашего прихода. А, вот оно что, горемычный! Побалакай, продажная твоя душонка! Побалакай. В этот час Каир-хан, горько ахнув от изумления, со всего маху пнул жирную задницу прилипшего к полу некогда главного визиря.

— Эй, Каир-хан, — воскликнул он тогда гортанным голосом. — Всю свою жизнь ты держал около себя какого-то прихвостня. Сегодня он предал тебя. Завтра предаст меня. Ему не дано понять, что есть на свете вещи, которыми не торгуют. Не сетуй, что уйдешь неотомщенным. Возьми лук, хоть и слабое тому утешенье. Выбери из колчана стрелу с ястребиным пером. Препроводи собственноручно душу его в преисподнюю. Да чтоб не запачкала его поганая кровь мою Белую орду. Отведи-ка его на тот дальний холмок...

Прокатилась молва, будто гремучая стрела, рассекая свежий утренний воздух, пробила грудь и вырвала наружу грешное сердце главного визиря. Очередная стрела предписывалась Каир-хану. А жаль... Напрасно пропала головушка храброго воина в тисках сладкой лжи и горькой истины!

Взял Бухару. Одно слово, что взял. Шаг не ступи — мечеть. Смотришь на небо и видишь высокие минареты. Не стал будоражить города, погруженного в фимиам священных писаний. Копыта его коней не попирали ничьих учений. Несмотря на то, что эмир Бухары каждодневно клянется в верности, главный муфтий по имени Наджимиден

Кубира и тени не кажет. В шестислойной чалме, говорят, мудрый ученый. Заговаривает огонь, ставляет воду течь вспять. Допустим. Ужель великий каган не удостоился его внимания? Али его Небесный Тэнгри в чем-то уступает Всевышнему его Создателю? Что за непомерное высокомерие? И стоило ему кивнуть, как тот был доставлен, не успев прикоснуться земли ногами. Пядь во лбу, утомленное размышлениями лицо. Упрямая, в обе стороны торчащая борода. Шеи не гнет. Колен не сгибает. Шагает по узорчатому многоцветному длинноворсному ковру, не снимая пыльных галош. Что-то роняет с конца губ и умолкает. Таково было его приветствие.

— Поклонись! — сказал тогда каган сурово.

— Челу, преклоненному перед Создателем, не подобает поклоняться простому смертному.

— Разуь галоши.

— Однако не дом Господень.

И на йоту не думает уступать. Глядит в упор, дескать, делай, чего заблагорассудится. Словно и снисходительная улыбка гуляет у рта. Раз такое дело, решил его проверить. Пробежать по вопросам.

— Почему грубое слово мусульманина делает вероотступником?

— Слащавым словом и змею выманишь из норы. Прежде освободись от условностей, которыми ты окружен.

Что он хочет этим сказать, эй? С кем надумал вступать в перепалку? Острая сабля может стать всему мерой. И слетят в никуда: и голова, и чалма!

— Как счастье, так и несчастье представлены единым Творцом. И жизнь, и смерть — его дар! — сказал тот, точно читая его мысли.

— Счастье и горе раба божьего сегодня в моих руках. Его жизнь и смерть находится в воле великого кагана. Не путай то и это, светило!

— Тьфу! — сказал Кубира, сплюнув через левое плечо на узорчатый многоцветный ворсистый ковер.

Его взгляд невольно пал на Субедея, стоявшего рядом. Сверкнув единственным грозным глазом, военачальник скомандовал нукерам, и в воздух взметнулись наконечники копий. Приговор был безмолвным и поспешным. В итоге он узрел, в чьей власти и жизнь, и смерть, и счастье, и несчастье, о которых мудрено рассуждал. Сам виноват!

— Эй, Чингисхан, гибель твоя придет от огня иль воды! Помяни слово!

Зря пролил кровь. Подлинно являлся провидцем. Такова она — безграничная власть, подталкивающая в безграничную пропасть. А жаль...

Кто это предстал перед ним? Борода седыми прядями спадает на грудь. Одухотворенное лицо излучает свет. Протягивает ли руки для приветствия? Похоже, что-то хочет сказать. Боже ты мой, так это святой угодник Акбура¹! Когда же их сводила судьба? Куда запропастился? При взятии Отрара. Затем...

Оставлен позади разрушенный Отрар. Некогда бурлившая, цветущая жизнь погребена под грудой руин. Заполнили плотоядные грифы. Облюбовала гнусная гиена. Кто же не заедает чей-то век?! Не тягайся с более сильным. Имеет он в виду погибших не своею смертью. Но простого народа он не трогал и давал ему свободу. Не он ли сам называл, чтоб не наступали на муравья, который ищет пропитание.

Перед самым сбором одноглазый воевода Субетай приказал снести в огромную кучу несчетное множество книг и рукописей, обшитых кожей и тканью. Разнесся повсюду слух, будто самую большую библиотеку на Востоке хотят предать огню. Услышав такое, преподобный Акбура упал на колени и взмолился: «О, великий каган, здесь не только наследие ислама, здесь хранится собранная со всего света сокровищница человеческих знаний. Кропотливые труды древних ученых и вдохновение непревзойденных поэтов. Книги не стоят поперек дороги. Они не чинили вреда. Так в чем их вина перед вами? Пощадите дар времен, пощадите...» — говорил он, и горячие слезы стекали по прядям седой бороды.

Он исполнил просьбу. Выбил из рук воеводы Субетая, сверкающего единственным глазом, горящий факел. Намеревался переправить в Каракорум. Сложить аккуратными рядками на возвышенном месте. Окунуться в глубокий кладезь добра и разума. Единственно, коней покамест не повернуть.

На девяти десятках телег едва-едва перевезли за девять суток. По пути на Сайрам взгромоздили на высокий холм. Выкопали просторное хранилище. Уложили штабелем и закопали. Вода не подберется. Ветер не разметает. И земля сохранит навеки.

Затем он встретил Акбуру у подножия Казыгуртского хребта. И тут он вышел ему навстречу.

— Старость одолевает, шага вороньего не ступить, — молвил мудрый предтеча, созерцая закатный день. — Великий каган, гора Казыгурт — священное место для здешнего народа. Обходи ее с благоволением. На вершине ее покоятся останки Ноева ковчега. Благодатная эта земля некогда

спасла детей человеческих от вселенского потопа...

Куда меня несет, вздымая к небесам брызги пены, бурлящий поток?

Пробудиться бы мне...

* * *

Малый, но урок преподнесен был отцом Есукеем.

Красным полымем догорали вечерние сумерки, скотина загнана в стойло, творожная похлебка приготовлена. Мать расстилает матерчатую скатерть на низком столике. Отец, взяв в руки неразлучную спутницу — двенадцатизильную плеть, заботливо ее смазывает, захватывая кнутовище из таволги, сырым курдючным жиром. В чем же интерес дитя пяти-шести годков? Конечно, он забавляется целой торбой альчииков. Расставит, прицелится вблизи и, щуря глаз, мечет издалека, полный самодовольства. И в такой безмятежный момент мать вдруг истошно как закричит:

— Ой-бай! Глянь-ка на это, ой-бай!

Верхний полог дымохода юрты был открыт. В центре на таганке о трех ногах стоял чугунный казан. Колеблющееся пламя под ним отбрасывало по кругу причудливые тени. Мать, не опуская указательного пальца, показывала наверх. В ее глазах светилось и удивление, и испуг одновременно. Машинально взглянул и он. Длинная, не менее размаха двух рук, черная змея, проползши через верхнее дымовое отверстие, зацепилась за унины.

— Ой-бай, надо убить!

Отец молча встал с места, глянул на змею и улыбнулся. Затем подцепил ее, свешивая по обе стороны, таволговым кнутовищем плети.

— Оулэн, принеси-ка молока!

Из чаши, наполненной до краев овечьим молоком, он струйкой стал лить на голову той черной, в размах рук, змеи. Исполняя старый обычай, он внимательно наблюдал за удивительной тварью. Змея, высунув раздвоенный язык, никакой враждебности не проявляла и даже не шипела. Напробовавшись молока, она медленно поползла к порогу. И затем сгнула в ночной темени.

— Уах! Верно, предводительница целого гнездовья. Пришла, судя по ней, проведать. И получив угощение, покинула нас в довольной. Отныне своему потомству передаст завет. Впредь не причинять вреда отпрыскам Есукее. Поняли, в чем кроется секрет?

¹ Акбура — мифологизированный странствующий угодник.

Сказывают-де, тысячу тарпанов, разметав хвосты и гривы, несут, очертя голову, в тысячу краин света...

Э то же он, собрав многотысячное войско, идет на Саудагент. Город, который в свое время, растворив льстивые объятия, без сопротивления склонил голову, сегодня показал оскал. Неоднократно грабил караван, идущий по Шелковому пути из Китая. Захваченное добро пустил на дележ. Обратил в раба караванбаши, отрезав ему уши. Прочим, абы не сбежали, подсек пятки. Под кожу засыпал мелко рубленный конский волос. Разнеслась скверная весть, что сделал его торговых людей козлоногими вообще.

Одновременно передовые тумены на западе заняли Киев и свободно прогуливались по Европе. Он бы и не обратил внимание на строптивость какого-то Саудагента, расположенного под самым носом. Между тем есть указ великого кагана, действующий одинаково на всей территории империи. Один из его пунктов гласит — не чинить преград караванам и не проявлять враждебности к торговому человеку, соединяющему страны, пополняющему казну и доставляющему населению столь нужные товары. Равнозначно перекрыть животворные русла рек. Если кто бы то ни был преднамеренно нарушит данную его волю, то ему наказание одно — смерть!

Войско, поднимая тучи пыли, окружило город. Свою белую юрту он установил на холме в отдалении. Узрев жуткую картину, город всполошился. Засуетились и забегали, спотыкаясь о собственные полы халатов, высокомерные сановники и неуклюжие, напоминающие жирных уток, богатеи. Не успело молоко вскипеть, как ворота города были распахнуты настежь. Кто-то в огромной чалме во всю прыть скакал на своем мышасто-сером коне. За ним следом, рассыпавшись цепочкой, подобно катышкам жеребца, потянулись и остальные. Приблизившись на расстояние примерно ягнячьего выпаса, резко встали. Белая юрта на холме, словно бы белая сова, тарасившая глаза, вселяла в них неимоверный ужас. Не в силах унять дрожь в членах, они теряли остатки самообладания. Но согласия принять он не дал. Напрочь отстранился. Несмотря на все старания, куда было им лезть на рожон? Держал их несолоно хлебавши, эдак дня три. Изжаривал на июльском солнце, как бы желая живьем уморить. Такого рода способом он выжал из этих корыстолюбивых недоумков все соки. Ибо они, как на подбор, были медными лбами. И потому надеялся заронить в них хоть каплю благоразумия...

Саудагент? Нет, не похож. Это же Сарайчик на Ак Жаике! Что за видения, роящиеся перед глазами? Поднимающиеся из уголков памяти. Толкущиеся бесчисленными картинками и образами. Да, Сарайчик, явно он. Вольготно разместившийся на берегу раздольной реки Ак Жаик. Роскошные дворцы. Жители, не знающие ни в чем нужды. На склонах холмов тучные гурты всех разновидностей скота. Днем в реке дыбятся большая рыба. Уподобившись овцам, блеют полуночные лягушки. Благообразный и вельможный люд встречал его за дневной переход, а за полуденный отбивал челобитную. Города трогать не стал. Уж больно пригож оказался. Тумены расселил на постой по всем кишлакам и аулам. Заодно и отощавшие кони чтоб округлились. Не будут брыкать брюхо, не возьмут и карьера. На пути предстоят перевалы, пролегают полноводные реки. Остроклювых орлов своих и ястребов, равно как и точеные сабли, надобно лелеять и холить, доставая на свет из ножен.

В приступе ярости перед тем, как оставить город, он собрал всех известных и знатных вельмож и, приказав привязать им на шею по камню, сбросил в реку Жаик. Погубил в глубокой пучине. Потому как и обида его была глубока. Уличил в непростительных умыслах. За маской благодушного радушия обнаружил уродливое двуличие.

Так все-таки за что? Кто-то вправе задать вопрос? Так вот, пока он безмятежно отдыхал в гостях, заправилы с побережья реки сговорились с башкортскими однородцами из Зауралья. Снарядили гонцов на Устюрт к туркменам. Препроводили письма кровным братьям, пребывавшим в Хаджи-тархане² и Крыму. Предлагали объединить силы против монгольских гостей. Сговорились сколотить единое войско. Сплошь разношерстный сброд! Возомнили себя сливками на поверхности народа. Им бы лучше знать, что они лишь поскребки со дна казана.

С ним был рядом внук его Бату³. Пострел-то и заметил что-то неладное. Он и не предполагал. Куда им-де деваться из плотного кольца туменов. Попрятаться не успеют, стоит повести бровью или забить тревогу. Так-то вот.

Столы помились от яств. Сидя во главе дастархана и думая о своем, он, как-то и не замечал всего происходящего. Потянулся было за кубком с ароматным, душистым напитком. На-

¹ Ак Жаик — Светлая река (река Урал).

² Хаджи-тархан, Аштархан — исторические названия города Астрахани.

³ Бату или Бату-хан — истинное имя собственное хана Батыя.

дедяся смочить пересохшее горло. Как в ту самую минуту маленький Бату ухватился за его рукав. И пронзительно вскричал. Кубок был цвета мрамора, изготовленный китайскими мастерами. Стоит положить в него яд, как он тотчас меняет свой цвет. Возводя бесконечные стены, поедая червячков и букашек, на какую только хитрость они не способны. Лилейно-белый кубок изнутри стал вдруг голубым. Жидкость в нем перламутрово переливалась цветами радуги... И это его, обласканного самим Тэнгри, пытаются обречь на неслыханные муки! Душу, над которой властно лишь Небо, хочет отнять встречный и поперечный. Он-то думал, что они исстрадались по добру и справедливости. Ан нет, безмерно возгордились! Превратно приняли простоту. Благое расположение сочли за слабость. Сборище растленных грешников.

Смертоносный напиток выплеснул в лицо сидевшего напротив и уткнувшегося в пол главы города. Разом встал. Львиный рев его разов шесть обернул всю майданную площадь.

Поднялось войско, выровняв строй. Сарайчика, предназначенного в будущем Бату, поджигать не стал. Собрал до единого всех знатных и известных вельмож. Приказал каждому по весу его подобрать камень. Волосяными веревками привязать к согбенным шеям... Срывавшихся с высокой кручи злосчастных людей поглощали без разбору волны раздольной реки Ак Жаик. Безгрешная река все не могла насытиться грешными телами. Лицезревшие эту жуткую картину правоверные, словно бы призывом к азану, долгим эхом сотрясали впоследствии поднебесье: «Чингисхан — карающий меч Аллаха!» И, будто перед ними расстелены молитвенные коврики, бросились лбами под ноги великого кагана.

А что Саудагент? Тем временем, как он протягивал шелковый аркан между Востоком и Западом... Ставил волчьи капканы на караванном пути. Он принял их на четвертые сутки. Выскочке, скакавшему впереди на мышасто-сером коне, отрезал уши и предал рабству. Прислужникам подсыпал в пятки рубленого конского волоса. И, распорядившись найти того караванбаши, покрывшегося струпьями и питавшегося объедками, всучил ему ключи от города. Какой человеческий сын противостоит «карающему мечу...»?

В памяти сохранилась одна шутливая притча, поведенная отцом. Как же она начиналась? Ах да! С изумрудной глади небольшого, но краси-

вого озера шумно вспорхнула и поднялась в воздух стая уток. И куда-то направилась. По пути им встретился ясный сокол и спросил, в чем дело. Тогда утки ему ответствовали: «Да пропади оно пропадом! Воняет, просто невозможно! Вон там, в отдалении, есть другое: и вода в нем почище, и на вкус поприятнее. Вот туда и летим!» Тогда сокол, говорят, посмотрел на них, и сказал: «Пока живы ваши жопы, и ему недолго провонять...»

* * *

Где этот тюркский баян-летописец? Еще многое надо поведать. Назиданий и наказов немало.

Водно время он, преследуя по пятам Хорезмшаха Мухамеда, покорял одно за другим селения сартаулов. Войдя в древний Ургенч, великий каган устроил передышку. Созвав местную знать, принимал решения. Давал щедрые обеды. Утомленные изнурительной верховой ездой нукеры отдыхали и устраивали массовое веселье. Местное сартовское население, избежавшее погромов, лезло из кожи вон, чтобы угодить грозным степнякам, устраивая различные игры и представления, показывая свое умение. Это было одним из них. В центр вышла стройная, обольстительная девушка, одетая в полупрозрачные наряды из тутового шелка. Вышла не одна, на руках у нее была трехметровая змея. Толщиной примерно в руку борца-палвана. Змея, скручиваясь и извиваясь кольцами, точно толстый волосяной канат, ластилась к телу девушки. Проползала по ее груди и свисала хомутом с шеи. Девушка с глазами лани, приблизившись к нему, склонилась в кротком поклоне. Он тоже проявил благосклонность. Бросил ей золотой слиток с копытце стригунка. Воин-нукеры безумно восторгались невиданным ранее зрелищем. Раз уж сам великий каган в приподнятом настроении, то им и сам бог велел. Один из них, подойдя к девушке, протянул к змее руку. Надумал погладить ладонью. В мгновение ока змея перекинулась на него. Скрутилась кольцом вокруг его шеи и стала душить. Глаза несчастного выскочили из орбит. Хлынула кровь из носа и рта. Никто и понятия не успел, как бездыханное тело сползло на землю.

Потомки, власть в руках человека небезопасна, как хищная тварь в руках той девушки. Поступишь неосмотрительно — затанешь на своей шее удавку. Но многое останется еще неизменным под этой старой луной.

Окончание следует.